

Ричард Болеславский

Пятый урок мастерства актера: Наблюдения¹⁷

Мы пьем чай – тетя Мэри, та самая, «которая лично знала г-на Беласко»¹⁸, и я. Мы ждем Создание с минуты на минуту. Чай отличный.

Т е т я. Это очень мило с вашей стороны, что вы так заботитесь о моей племяннице. Ребенок просто поглощен театром. Особенно сейчас, когда у нее такой успех. Представляете, она получает регулярную зарплату. Никогда не думала, что в театре это возможно.

Я. Просто закон спроса и предложения.

Т е т я. Признаюсь, я не понимаю, чего она от вас теперь хочет. Ведь она уже профессионал. Она получила хорошие отзывы. У нее хорошая роль. Чего еще можно желать? Нет, безусловно, мне приятно иногда видеть вас. И я уверена, что моей племяннице тоже. Мы обе обожаем театр и всех, кто там работает. Покойный мистер Беласко – каким он был очаровательным человеком! – сказал мне однажды, когда я подумывала сыграть роль в одной из его постановок: «Мадам, но вы же принадлежите вечерам премьер. Ваше присутствие в первых рядах партера так же важно для успеха спектакля, как и игра всех моих актеров». Это было так мило с его стороны. Этот человек был гением. Поверите ли, я никогда не пропущу хорошей премьеры!

Я. Это очень любезно с вашей стороны, мадам.

Т е т я. Вовсе нет. Я делаю все, чтобы поддерживать (*она почти поет*) чу-у-у-де-е-е-с-н-о-е искусство театра. Ах, Шекспир... Ноэл Кауард...¹⁹ (*Чай горяч.*) А каким актером оказался Александр Вулкотт!²⁰

Я. Он усердно учился, мадам.

Т е т я. Несомненно. И так, как надо. Он годами наблюдал за актерами. И запомнил все их уловки и приемы. А потом взял и начал играть. Теперь, если бы он просто играл и играл каждый день – и чем больше, тем лучше, – он бы стал выдающимся актером.

Я делаю последний глоток чая; странно, но он становится все горячее и горячее [gets hotter and hotter]²¹. Я хотел было попросить еще чашку, но входит Создание. С подозрением взглянув на нас, она останавливается посреди комнаты.

С о з д а н и е. И о чём вы тут говорили вдвоем?

Ричард Болеславский во время работы над спектаклем «Рваный плащ» С. Бенелли. БДТ. Петроград, 1919 (фрагмент)

Тетя. О театре, моя дорогая, о (снова поет, закатив глаза) чу-у-у-д-е-е-е-е-с-н-о-м театре.

Создание (не без мрачного юмора). Тогда, надеюсь, вы нашли общий язык.

Я. Не совсем. Когда вы вошли, мы уже собирались поспорить. Ваша тетя, моя дорогая, только что заявила, что все, что нужно, чтобы стать актером, – это играть, играть и играть. Так?

Тетя. Конечно, и я знаю, что я права. Я не верю во все эти теории и лекции, психологический анализ и забивающие голову упражнения, о которых мне рассказала племянница. Вы должны меня простить: я прямой человек. И я обожаю театр. Но моя теория такова: чтобы быть актером, нужно играть. Так что играйте все что можете – пока вам платят за это. Перестанут платить – прекратите играть. Вот и все. Если у кого-то есть талант, как у этого ребенка...

Создание. Тетушка...

Тетя. Ничего страшного, дорогая. Таланту, как и всему остальному, нужна реклама. Если есть талант, то будут и гонорары.

Я. Я рад, мадам, что вы так цените талант. Но, позвольте спросить, разве талант не нужно развивать, взращивать, разве можно его обнаружить иначе, чем совершенствуя?

Создание (*горячо подхватывая мою мысль*). Тетушка, дорогая, это как дикое яблоко и выращенное яблоко. Оба они яблоки, но одно зеленое, жесткое и кислое, а другое – красное, мягкое, сладкое и ароматное.

Тетя. Спорить с поэтическими сравнениями неразумно, моя дорогая. Яблоко – это одно...

Я (*быстро подхватывая*). А талант – другое. Вы совершенно правы. Не будем сравнивать. Лучше продолжим наше замечательное чаепитие. Позвольте попросить еще чашку? Спасибо. (*Я получаю полную чашку восхитительного чая со сливками и сахаром, затем продолжаю.*) Могу я спросить вас, мадам, слышали ли вы о новой забавной игре, в которую часто играют в немецких детских садах, – она называется *Achtungsspiele**?

Тетя. Нет, а что?

Я. Очень простая игра. Педагог просит детей повторить отдельные моменты их времяпрепровождения – то, что они делали сегодня, вчера, несколько дней назад. Это служит развитию памяти ученика, помогает ему анализировать свои действия, обостряет наблюдательность. Иногда ребенку позволяют самому выбрать, что показывать, и тогда учитель делает вывод о направленности его интересов и либо развивает их, либо предупреждает о них родителей и других учителей. Например, ребенка, который охотно вспоминает, как он разорял птичье гнездо, не наказывают, а просто пытаются перевести его интерес в другую сферу.

Тетя (*с ледяной холодностью*). Очень интересно.

Я. Но отнюдь не так интересно, как со взрослыми. Это поразительно, как мало мы, взрослые, пользуемся чудесным природным даром – способностью наблюдать. Поверите ли, очень немногие люди могут вспомнить, как они вели себя последние двадцать четыре часа.

Тетя. Невероятно. Я-то могу точно сказать, что делала за последние двадцать четыре года.

Я. О да, *рассказать* вы смогли бы, я уверен. Но игра состоит не в том, чтобы рассказывать, а в том, чтобы молча проиграть, *воспроизвести* [re-enact]. Молчание помогает сосредоточиться и пробуждает скрытые эмоции.

Тетя. Я могла бы сделать это молча, если бы захотела. Хотя не уверена, что мне это понравится. Я откровенный человек и привыкла все говорить прямо.

* *Achtungsspiele* (нем.) – игра на внимание.

Я. Почему бы не попробовать? Это просто детская игра. Вы согласны?

Тетя. О, я готова попробовать что угодно.

Я. Прекрасно. Мы все попробуем. Давайте начнем с чего-нибудь легкого. Например... например, могу я попросить вас воспроизвести процесс приготовления той замечательной чашки чая, которую минуту назад я получил из ваших рук?..

Тетя. Как это нелепо. (*Она от души смеется.*) Очень милая идея. Вы действительно хотите, чтобы я вернулась в детский сад?

Я. Вовсе нет, мадам. Это всего лишь игра. Следующее испытание будет для меня или для вашей талантливой племянницы.

Создание. О, тетушка, пожалуйста, мне так любопытно.

Тетя. Хорошо. В любом случае сегодня плохая погода. Ну вот, наблюдайте за мной. (*Засучив рукава, она начинает, словно верховная жрица или ведьма из «Макбета».*) Вот чашка...

Я (прерывая). Молча, пожалуйста. Без слов, только действия.

Тетя. Да-да, забыла. Таинство тишины.

Пожилая дама полна сарказма. Но она решилась и собирается разить нас. Она начинает. На лбу появляются складки. Мысли работают. Она берет чашку в правую руку, тянется за чайником левой рукой, осознает свой промах, громко восклицает: «О, боже мой!», ставит чашку на место, берет чайник в правую руку, держит его в воздухе. Между двумя глотками чая я напоминаю шепотом...

Я. Пожалуйста, ничего не трогайте. Просто повторите все действия...

Тетя. Я именно это и делаю.

Я. Тогда, будьте добры, поставьте чайник.

Тетя. О да.

Она ставит чашку и опускает обе руки на стол, сразу же их отдергивает и с безумной скоростью обозначает движениями, что берет чашку и наливает в нее немного чая. Затем, не ставя чайник на стол, добавляет воображаемые сливки и лимон из соответствующих емкостей и протягивает мне чашку за ручку, очевидно, забыв блюдо и сахар. Создание всхлипывает от безудержного смеха и, обняв шею Тети руками, целует ее много раз. Я допиваю свою чашку чая.

Тетя. Это просто глупо, вот и все.

Я. Нет, мадам. Это просто неразвитость наблюдательности. Вы позволите вашей племяннице воспроизвести [re-enact] ваши действия

в том же событии? И, заметьте, она не могла предвидеть, что я выберу именно этот момент. Так что ей придется постараться и попробовать без подготовки.

Создание. Только можно я всё же буду говорить? Я так рада, что вы с тетей хорошо поладили, что просто не смогу молчать.

Я. Да, вы можете говорить, потому что это действия другого. Если бы это были ваши собственные, я бы настоял на том, чтобы вы воспроизвели их в тишине. Но способность к наблюдению необходимо развивать по-разному – не только через зрительную память, но и через рассказ.

Создание. Тетушка, когда Б. попросил у вас чашку чая, вы ему улыбнулись. Затем вы посмотрели на чайник, будто пытаясь убедиться, что там еще остался чай, затем посмотрели на меня и снова улыбнулись, как бы говоря: «Разве он не милый?».

Тетя (громко вскрикивает). Я этого не делала!

Я. Делали, мадам. Я это хорошо помню. Это было единственное ободрение в мой адрес с вашей стороны.

Создание. Затем вы снова посмотрели на Б., словно ожидая, что он подаст вам свою чашку. Но он этого не сделал.

Я. Извините.

Создание. Затем вы левой рукой придержали широкий правый рукав и потянулись к подносу за новой чашкой. Взяли ее, держа на блюдце, и поставили перед собой. Затем, все еще придерживая рукав, вы взяли чайник. Он оказался довольно тяжелым, поэтому вы поставили его, чтобы лучше ухватиться за ручку. Поднесли его к чашке, отпустили рукав, взяли ситечко и положили его на чашку. Затем, придерживая крышку чайника пальцами левой руки, вы начали наливать чай. Крышка была горячей, и вы поменяли пальцы – один, потом другой. Когда чашка наполнилась на три четверти, вы поставили чайник ближе к себе и снова улыбнулись, на этот раз никому конкретно. Затем вы налили сливки правой рукой и, держа щипцы в левой, бросили два кусочка сахара. Вы передали чашку Б. и положили щипцы на блюдце с лимоном, именно туда, где вы их сейчас видите.

Тетя (серьезно обиделась). Можно подумать, что вы были в театре. Похоже, вы тут меня изучали.

Я. Нет. Пожалуйста, не сердитесь. Уверяю, против вас не было никакого умысла. (*Поворачиваясь к Созданию.*) Вы забыли упомянуть, что ваша Тетя не смогла сразу найти сливки, и в течение доли секунды искала их по всему столу.

Создание. Да, а вы все время играли салфеткой.

Тетя (*от души смеется; в конце концов, она компанейский человек*). Ага! Значит, и вы не избежали пристального внимания.

Я. Даже и не пытался, мадам. Я пристально наблюдал, как ваша племянница упражняется в наблюдательности.

Тетя. И вы научили ее этой детской игре, чтобы просто смотреть на ее шалости?

Я. Мадам, я ничему ее не «научил». Мы оба работаем в театре. А театр – это место, где школьные уроки и проповеди [teaching and preaching]²² абсолютно исключены. Важна практика, и только практика.

Тетя. Вот и я это говорю. Играй! играй! – и ты станешь актером.

Я. Нет, мадам. Игра актера – это конечный результат длительного процесса. Практиковать надо все, что предшествует и ведет к этому результату. Когда вы играете, уже слишком поздно.

Тетя (*саркастически*). А скажите на милость, какое отношение эта ваша способность наблюдать имеет к игре актера?

Я. Огромное. Наблюдательность помогает человеку театра замечать в повседневной жизни все необычное, исключительное. Она развивает память, пополняет ее хранилища всеми видимыми проявлениями жизни человеческого духа²³. Она учит различать искренность и притворство. Развивает сенсорную и мышечную память, обеспечивает готовность к любой деятельности, которую может потребовать роль. Она открывает глаза для понимания разнообразия человеческих личностей, дает умение тонко ценить достоинства и людей, и произведений искусства. И, наконец, мадам, наблюдательность обогащает внутреннюю жизнь актера полным и всесторонним восприятием окружающей жизни.

Способность наблюдать приводит к тому же эффекту, что дневной рацион в один банан и горсть риса у индусов, следующих предписаниям йоги²⁴. При правильном потреблении и извлечении максимума из этого скучного количества питательных веществ эта пища дает индусу безмерную энергию, духовную силу и жизнестойкость. Мы же съедаем стейк за обедом, а к ужину уже чувствуем себя голодными. И по жизни идем точно так же. Мы думаем, что всё видим, но мы ничего не воспринимаем. Однако в театре, где необходимо заново воссоздавать жизнь, это невозможно. Мы просто обязаны обращать внимание на материал, с которым работаем.

Тетя. Именно поэтому вы просите мою племянницу наблюдать, как ее тетя наливает чашку чая, а потом оба смеетесь над ней.

Я вижу смешинку в ее глазах; она не прочь подшутить за компанию.

Создание. О, тетушка, дорогая, совсем нет. Он просто пошутил.

Тетя. Я умею различать шутки. Он чертовски серьезен. И я тоже.

Я. Нет, это не так. Иначе я бы не прочитал в ваших глазах приглашение продолжать. Вас это развлекает. И я вижу это. Я не в состоянии научить, но я постараюсь развлечь вас. Все остальное сделает ваша способность наблюдать.

Тетя (милостиво). Если вы желаете еще чашку чая, можете налить себе сами.

Я. Благодарю вас. (*Я наливаю, а Тетя, как ястреб, наблюдает за мной. Илиши покончив с чаем, я продолжаю.*) Мадам, я понимаю, что сейчас вы впервые уделили мне всё свое внимание. Я этим воспользуюсь. Вы обожаете театр. Мы с вашей племянницей работаем в театре и ради театра. Когда вы собираетесь на премьеру, вы отправляйтесь по магазинам и выбираете самое подходящее платье. Мы же ежедневно выбираем из самой жизни, выбираем самое подходящее для каждого спектакля, который играем. Для нас все они – премьеры. Все они требуют быть на высоте. Актер, чья способность наблюдать притупилась и не работает, появится на торжественном вечере в поношенном платье. Я уверен, что чаще всего вдохновение – результат упорной работы и единственное, что может стимулировать вдохновение актера, – это постоянная и зоркая наблюдательность, причем каждый день его жизни.

Тетя. Вы хотите сказать, что великие актеры живут, шпионя за всеми своими знакомыми, родственниками и прохожими?

Я. Боюсь, что так, мадам. Кроме того, они шпионят и за собой.

Создание. Как иначе мы могли бы знать, что можем делать, а что нет?

Тетя. Мы говорим о великих актерах, дитя мое.

Создание. О, бедная я, бедная! Какой удар! (*С шутливо-недовольной гримасой.*) Тетушка, вы уже перестали меня рекламировать?

Тетя. Ты избалованное создание.

Я. Она чудесное создание. Позвольте мне ее немного прорекламировать. Я не переусердствую. Я расскажу только, как мы вместе развивались и делали важные наблюдения в своем ремесле. Ваша племянница играла роль слепой девочки в «Сверчке на печи»²⁵. Она хорошо репетировала, но никто даже не думал верить, что она слепая! Она пришла

ко мне, и мы пошли искать слепого. Мы нашли одного на Бауэри²⁶. Он сидел на углу. И не двигался часа четыре. Мы ждали, когда он встанет и пойдет, потому что хотели увидеть, как он ходит, как ищет свой путь. Просить его походить было бы неправильно. Он бы смущился, стал бы думать, как выглядит со стороны. Ради искусства нам пришлось терпеть – мы проголодались, могли подхватить воспаление легких (было очень холодно), мы потеряли кучу времени.

Наконец нищий встал и пошел домой. Мы последовали за ним, это заняло еще час, дали ему доллар за невольную работу и уехали, обогащенные новым опытом. Но цена его, даже не считая доллара, была слишком высока. Работая в театре, нельзя тратить четыре часа, ожидая прогулки нищего. Актер должен собирать и хранить опыт на все случаи жизни. Наблюдать надо с самого начала, чтобы...

Создание. Тетушка, я придумала план, и Б. одобрил его.

Я. Полностью. Давайте, рассказывайте – это же ваша идея.

Создание. Я решила, что в течение трех месяцев, с двенадцати до часу каждого дня, где бы я ни была и чем бы я ни занималась, я наблюдаю за всем и всеми вокруг меня. А с часу до двух, во время ланча, я вспоминаю наблюдения предыдущего дня. Если я оказываюсь одна, то я воспроизвожу – как те немецкие дети – свои собственные вчерашние действия.

Больше я этим не занимаюсь, разве что изредка, но за три месяца я накопила жизненного опыта больше, чем было золота у Креза. Сначала я старалась все записывать, хотя бы коротко, теперь мне даже это не нужно. Все автоматически регистрируется где-то там в моем мозгу, и, благодаря практике вспоминать и воспроизводить, я всегда наготове, раз в десять более, чем раньше. И жизнь от этого настолько прекраснее! Вы даже не представляете, насколько она богаче и замечательнее.

Тетя. Тебе следует поменять профессию, дитя мое. Тебе следует стать детективом.

Я. Мадам, разве каждая поставленная пьеса и каждая сыгранная роль не есть открытие тайных ценностей и сокровищ? Не обнаружение добродетелей и пороков, обузданье страстей? Не удаление четвертой стены из комнаты? Не представление поля битвы? Не раскопки могилы «бедного Йорика»?

Тетя. Ну, хорошо, хорошо. (*Не совсем убежденно.*) Однако почему-то мне все это кажется не очень возможным. Очень умозрительно.

И книжно. По-моему, методы театра и всех других искусств должны быть естественными. Мы же не делаем всего этого в обычной жизни!

Я. Хорошо, давайте оставим эту тему. Ваша племянница сказала мне, что ваша сестра только что вернулась из-за границы. Вы нашли ее отдохнувшей, когда встретили на пирсе?

Тетя. О да, спасибо. Она отдохнула хорошо, но как она выглядит! Эта женщина меня доконает! Она просто чемпионка Нью-Йорка по худшим костюмам. Можете представить, на ней была бежевая шляпка Eugénie²⁷ с темно-лиловым пером и узкой фиолетовой атласной лентой с серебряными крапинками. Даже крохотные застежки сбоку были из серебряного марказита. И при этом на ней был дорожный костюм из клетчатого вельвета – мелкая клетка, сначала коричневая полоска, затем серая, затем пурпурная на фоне тусклого цвета мокко...

Я (резко прерывая). Мадам, то, что вы только что рассказали, выявляет наблюдательность, которая вполне естественно культивируется и используется в обычной жизни. В театре мы делаем то же самое – только максимально расширяя круг наблюдений. Объектом нашего наблюдения становятся все и вся, с той лишь разницей, что мы не говорим об этом, мы это играем.

Тетушка тихо вздыхает и меняет тему разговора на Конное шоу в Мэдисон-сквер-гарден²⁸. Мы допиваем чай в мире и взаимном согласии. Создание задумчиво молчит.